

С. Н. АБАШИН

Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук, Москва

Свой среди чужих, чужой среди своих (этнографические размышления по поводу новеллы А. Волоса "Свой"¹)

В 1998 г. премию "Антибукер" в номинации "Братья Карамазовы" получил роман Андрея Волоса "Хуррамабад". Хуррамабад - "город счастья" - это, безусловно, Душанбе. Сам автор таджикскую столицу нигде не упоминает, но художественный текст буквально насыщен прозрачными ссылками на конкретные места и события в этом городе. Автор в нескольких самостоятельных новеллах, из которых состоит роман, рассказывает о судьбе обычных людей - русских и таджиков, ввергнутых в пучину конфликтов 1990 годов. В 2000 г. за свое произведение Волос был награжден Государственной премией России.

ЧЕМ роман? Предоставлю слово литературным критикам-профессионалам: "...В русской культуре уже несколько раз возникал образ

Средней Азии - многонациональной и многорелигиозной (...). Великий шелковый путь, русский таможеник и женщины в чадре, исчезновение империй и частная жизнь, европейские интонации и восточная созерцательность. Теперь в русской культуре есть еще один образ Средней Азии - Таджикистан в романе Андрея Волоса "Хуррамабад" (...). Роман Волоса - (...) об опыте того, как человек везде оказывается и своим, и чужим. Это своего рода новый эпос, возникающий из индивидуальных человеческих событий, из отдельных рассказов..." (И. Кукулин)²;

"...Таджикистан в романе Волоса становится захватывающим и более понятным для европейского читателя именно благодаря межкультурной оптике, взгляду русского автора..." (И. Ростовцева)³;

"...заметил воздействие: после чтения выходишь на улицу и оказываешься в Азии, хотя идешь по Москве..." (А. Битов)⁴;

"...Рассказ не захватывал. Традиционная проза, ну разве что материал экзотичен. Про русских в Средней Азии, в Таджикистане, что ли? Лишь собранные вместе рассказы составили книгу. Не роман, конечно, а именно книгу. И тогда оказалось, что через вымышленный Хуррамабад, который не найдешь на карте Таджикистана, про-

ходит та линия разлома, которая отделяет имперское прошлое красочной окраины России от ее феодального настоящего. В книге прошлое и настоящее спрессованы. Давно ли приезжали сюда деды и родители, осваивались, проникались любовью к чужой земле, и вот уже "люди, приехавшие некогда в Таджикистан, чтобы строить электростанции, выращивать тонковолокнистый хлопок, лечить людей, добывать уран и золото, засесть в парткомах и рыть каналы в качестве ссыльных", как пишет Волос в предисловии, гонимые войной, нуждой, голодом, "откатываются назад, на родину". Ужасно то, что и родина их не ждет..." (А. Латынина)⁵.

Легко заметить, что самым интересным в романе Волоса оказался вполне этнографический сюжет - столкновение разных языков, историй и образов жизни, их взаимопроникновение и взаимоотталкивание. Особенно в этой связи выделяется новелла "Свой"⁶. Опять дам слово литературоведу:

"...Новелла "Свой" (...) и новелла "Чужой" отмечают критические точки слияния и отторжения. В "Своем" главный герой, силой рока занесенный в Хуррамабад (командировка), очаровывается "городом счастья" настолько, что переламывает судьбу - бросает семью, Москву, работу, переезжает в Хуррамабад, до тонкостей изучает язык, проникается духом Востока, женится на таджичке, работает в грязной пирожковой на базаре, мечтая только об одном - чтобы его признали на-

конец за своего. И обретает в конце концов это право - его убивают в одной из этнических междоусобиц, приняв (по произношению) за ненавистного кулябца. Родина стоит дорого..." (М. Ремизова)⁷;

"...Можно подивиться наивности героя новеллы Волоса "Свой" - русский человек с высшим образованием переехал зачем-то в Таджикистан, чтобы стать подсобным рабочим в грязной пирожковой на городском рынке. И в конце концов был убит - не как русский, а как таджик - приняли-таки за своего, только не за того, кого нужно (...). Волос пробует наделять своих персонажей прежде всего жизнеспособием. Жизнеспособие же всегда предполагает неоднозначность, многослойность, противоречие. В искусстве главное - недосказанность..." (М. Ремизова)⁸.

Кто-то читает "Хуррамабад" как въедливый критик, высматривающий сюжетные и стилиевые огрехи новоиспеченного литературного таланта, кто-то - как обычный читатель, которому нечем себя занять в метро по дороге на работу или вечером, перед сном, у мягко светящейся ночной лампы. Я прочитал "Хуррамабад" как этнограф, и новелла "Свой", в которой поставлен вопрос, *способен ли человек сменить свою этничность*, дала мне пищу для размышлений, которыми хочу поделиться в настоящей статье.

Впрочем, может ли литературное сочинение быть материалом для исследования, публикуемого в научном журнале? Это, конечно, провокация и нарушение академического жанра, что, например, подтвердил Д. В. Микульский, который, найдя в романе Волоса этнографические огрехи, констатировал: "...Это вполне естественно, потому что художественное произведение не может быть учебником по этнографии..."⁹. Попробую, тем не менее, доказать обратное.

Во-первых, я хочу обратить внимание на то, что тема взаимоотношения этнографических проблем и роли литературы в производстве "этнического дискурса", этнических символов и этнических историй давно обсуждается специалистами-этнографами: "...Становление и существование нации как "воображаемого сообщества", - пишет С. В. Соколовский, - неотрывно от дискурсивных процессов - в частности, от наррации (рассказывания, повествования): от истории или историй, вымышленных или претендующих на достоверность, которые тиражируются посредством общедоступного, массово воспроизводимого печатного слова, закрепляясь, таким образом, в общественном сознании..."¹⁰. Возникло уже целое направление исследований, изучающих литератур-

ный текст как часть "нациогенеза"¹¹. Обычно "наррация" рассматривается как отражение "нациогенеза" или как фактор, который оказывает влияние на "нациогенез". И то, и другое открывают большое поле для новых вопросов и интерпретаций. В случае с Волосом меня интересует более узкая тема: как он проблематизирует новый для российской этнографии вопрос и пытается своими, художественными средствами дать на него ответ. Мне любопытно сравнить его мысли с подходами, которые вырабатывает этнография собственными - научными - методами.

Во-вторых, Волоса критики дружно отнесли к категории писателей-реалистов. Это означает, что автор использовал достаточно реалистичную манеру письма, основываясь на более или менее реальных событиях и описывая их приближенно к действительности. Конечно, книга Волоса - это художественное произведение. Неизвестно, основаны ли его истории на конкретных случаях или нет. Эпиграфом к новелле "Свой" он выбрал зачин таджикских сказок "буд-набуд" (было - не было). Но даже если признать все в романе Волоса вымыслом, можно использовать созданные им образы в качестве повода для обсуждения темы. В конце концов не так уж важно, было или не было. В России, как известно, писатель больше, чем писатель. В русской культуре Онегин и Обломов - это не литературные персонажи, а определенные типы, чуть ли не живые люди. Выдуманные автором они превращаются в реальных героев, с которых берут пример. Это означает, что лица и ситуации, придуманные Волосом, можно рассматривать как некую проблему или концепцию, оказавшуюся в центре внимания писателя и читающего сообщества.

В-третьих, писательское ремесло, если, конечно, сильно упростить, состоит в том, чтобы взять реального человека и ситуацию, немножко изменить их и поместить в мир текста и выдуманных событий. Но так ли уж сама этнографическая наука отличается от ремесла писателя? Так ли уж этнографический "факт" отличается от "вымысла", а "информатор" от "литературного персонажа"? Совершенно очевидно, что существуют пределы понимания фактов, собираемых в "поле": невозможно проследить всю жизнь постороннего человека во всех ее деталях, нельзя понять до конца, что человек думает, желает, замышляет. За этими рамками этнографу, какой бы квалификации он ни был и каких бы строгих правил сбора информации ни придерживался, все равно приходится кое-что домысливать, дописывать, дофантазировать, надеясь на свой опыт и интуицию. Каждому пи-

шущему этнографу понятна ситуация, когда приходится в угоду своей теории или при недостатке фактов, слегка поправлять реальность, поворачивать ее той стороной, которая более выгодна, выбирать более удобные примеры и обобщать их. Бывает, что этнограф, которому доступен литературный слог, жертвует правдой ради красивого, яркого образа.

Наконец, есть и еще одно соображение. Сегодня этнографическая наука, точнее ее теория, находится в довольно серьезном кризисе. Нужны поиски новых вопросов, новой интерпретации старых проблем и новых жанров. Я попытаюсь соединить два жанра: этнографическое исследование и литературную критику. Возможно, это покажется необычным, но надеюсь, что такой эксперимент будет встречен со снисхождением.

Не знаю, сумел ли я кого-то убедить. Мне самому высказанные здесь аргументы представляются достаточными, чтобы предложить ниже следующий текст читателям. Это будет пересказ новеллы "Свой" и одновременно своего рода этнографическая экспертиза литературного сочинения Волоса. Я буду анализировать те обстоятельства и мотивы, которые в самой новелле отсутствуют, но которые подразумеваются и вытекают из рассказанного. Я, следовательно, буду дописывать и переписывать текст новеллы, исходя из своего этнографического опыта исследований в Средней Азии.

Мой текст разбит на восемь эпизодов. В каждом эпизоде так или иначе раскрывается главная тема или главный вопрос, которому посвящены мои комментарии, а именно, *может ли современный человек сменить свою этничность?*

Эпизод первый. Сумасшедший. В рассказе Волоса нет дат, но по хронологии реальных событий, которые автор использовал в сюжете, можно предположить, что началом его истории являются 1988-1989 годы. Тогда работник одного московского института 40-летний Сергей Александрович Макушин приехал в Хуррамабад на несколько дней в командировку, и с ним сразу что-то произошло:

...Как изъяснить то, что случилось в следующую минуту? Когда он, озираясь, ступил с трапа на чужой раскаленный бетон, ему почудилось, что все здесь странно знакомо: и зной, в первую секунду оставивший впечатление горчичника, (...) и прямоугольная сахарница аэровокзала, и щекочущий запах пыли, и мутные очертания холмов за летным полем. (...) Он задрал голову и (...) увидел беспощадный диск солнца, показавшийся ему знаком не жизни, а гибели...

...а через неделю он вернулся в Москву, и оказалось, что за время отсутствия родной город странно выцвел: все то, что было ярким и значительным, превратилось в малозаметные мелочи, и он не находил себе места...

Месяц спустя Макушин (далее следует читать с ударением на последний слог - Макушин) напросился опять в командировку в Хуррамабад, а когда срок закончился, в Москву не вернулся.

...Москвы не было, и казалось, что не было никогда. Поэтому он ни о чем не жалел...

Он никому не мог ничего объяснить:

...Как объяснишь свою необъяснимую уверенность в том, что под этим небом уже прошла однажды твоя жизнь, в которой ты говорил на чужом языке и был счастлив?..

Всего через год Макушин говорил по-русски только во сне, а окружающие звали его Сирочиддином (так Волос пишет, используя таджикскую транскрипцию, имя Сироджиддин). Еще через год-два он уже был женат на таджичке и имел от нее сына.

Почему все-таки обычный московский научный сотрудник решил остаться в Таджикистане и превратиться в таджика? Волос настаивает на неких мистических предчувствиях, точнее видениях и воспоминаниях:

...теперь он прислушивался к себе, к чему-то такому, что стало вдруг саднить в душе... Ответ был простым, но странным: ему казалось, что чужой язык хоть и темен, хоть и невнятен ему, но все же близок - как если бы он уже однажды жил и в той, прошлой, жизни легко выговаривал эти гортанные слова, отчетливо понимая смысл каждого...

Правда, однажды в тексте проскальзывает и другой мотив, скорее в духе Фрейда, нежели Будды:

...Когда два с половиной года назад Макушин впервые забрел на базар, ему показалось, что детство наконец вернулось, отец снова посадил его на карусельную лошадку и потому все кругом шумит, проносится, мелькает и сливается в разноцветные полосы...

Впрочем, мотивы таких поступков никогда не будут понятны здравому рассудку обычного человека, который уверенно поставит другой диагноз происшедшему: "помешательство". Как это сделал таджик Фарход, с которым бывший научный сотрудник теперь работал в пирожковой Толстого Касыма на Путовском базаре Хуррамабада:

...- Зачем бедный Сирочиддин приехал из Москвы! Зачем пошел работать к Толстому Касыму!...